

83

**КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА**

**ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»**

**ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА
В. И. ЗАСУЛИЧ и Л. Г. ДЕЙЧА**

СБОРНИК № 1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Р. П. В.
1924

3
283-1

ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА»

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. Г. ДЕЙЧА

СБОРНИК № 1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

[1923]

ПИСЬМА ФР. ЭНГЕЛЬСА К ВЕРЕ ИВАНОВНЕ ЗАСУЛИЧ.

Предварительно сообщу в немногих словах, каким образом возникла переписка между Верой Ивановной Засулич и Энгельсом.

Печатаемое ниже первое письмо в действительности является вторым, так как в предшествовавшем году, в ответ на свое письмо к Марксу, Вера Ивановна получила от Энгельса известное его и Маркса «Предисловие к русскому изданию манифеста коммунистической партии», появившееся летом 1882 г. в переводе Г. В. Плеханова в издании «Русской Социально-Революционной Библиотеки» вместе с письмом от первого.

Как видно из письма Плеханова к Лаврову (№ 13), ему принадлежала мысль обратиться к Марксу с просьбой написать для русского издания «Манифеста» специальное предисловие.

Мы с ним стали упрашивать Веру Ивановну, пользовавшуюся всемирной известностью, но отличавшуюся чрезвычайной скромностью и застенчивостью, написать требуемое письмо, что она не без сопротивления исполнила. Вместо Маркса ответил ей тогда Энгельс, мотивировавший это тем, что великий друг его был в то время болен. Так как всех тогдашних русских революционеров в чрезвычайной степени интересовал вопрос о судьбе капитализма в России, то мы упросили Веру Ивановну обратиться в своем письме к Марксу за разрешением этого вопроса. Ответ Энгельса (а, следовательно, и Маркса) был тем первым письмом, о котором я выше упомянул, но его среди хранившихся в архиве Засулич документов не оказалось.

Прошло более года, и осенью 1883 г., — вскоре после возникновения группы «Освобождение Труда», — Плеханову вновь пришла мысль, чтобы В. Засулич обратилась к Энгельсу с предложением предоставить нам в рукописи второй том «Капитала» Маркса для перевода его на русский язык; ответом на это обращение Веры Ивановны к нему и является помещаемое ниже первое письмо, от 13 ноября 1883 г.

В этом же письме Вера Ивановна сообщила Энгельсу о возникновении среди русской эмиграции первой марксистской группы—«Освобождение Труда» и о принятых ею изданиях, чему Энгельс очень обрадовался, но, по иронии судьбы, членами ее, как известно, оказались именно те лица, о которых столь неслестно отозвался Маркс в своем письме к Зорге, от 5 ноября 1880 г. «Большинство этих людей, хотя и не все,—писал в нем Маркс,—покинуло Россию добровольно (?—Л. Д.) и, в противоположность террористам, ставящим на карту собственную голову, образует так называемую партию пропаганды (?—Л. Д.), чтобы (вести пропаганду в России, уезжает в Женеву, что за qui pro quo!). Эти господа стоят против всякой революционной политической деятельности (?): Россия должна, по их мнению, перепрыгнуть одним скачком прямо в анархическо-коммунистическо-атеистический миллениум (?). А пока они готовят этот скачок путем скучнейшего доктринерства, так называемые принципы которого давно стали избитыми пошлостями со времени покойного Бакунина».

Как видит читатель, Маркс отнесся к нам не только строго, но и несправедливо: неверно, будто «большинство» из нас «покинуло Россию добровольно», неправда, будто мы образовали «партию пропаганды»; мы вовсе не являлись противниками «всякой революционно-политической деятельности» и не предполагали «перепрыгнуть одним скачком в анархическо-коммунистическо-атеистический миллениум». В то именно время, когда Маркс писал это письмо, мы, далеко не добровольно покинувшие Россию, как известно, приступили к изучению его же и Энгельса произведений, а потому были уже очень далеки от «скучнейшего доктринерства», как характеризует он «бакунинские избитые пошлости».

В то время никто из нас не подозревал о существовании этого неслестного о нас мнения высокочтимого нами учителя нашего. Не знаю, каково было отношение к нам его выдающегося друга—Энгельса, но возможно, что и он разделял то же неслестное о нас мнение. Вполне естественно возникает вопрос, откуда явилось у нашего великого учителя столь неверное о нас представление? Лично никто из нас в описываемое время не был в Лондоне, где, как известно, проживали тогда Маркс и Энгельс. Также из них никто не приезжал ни в Париж, ни в Женеву, где они могли бы получить о нас те или другие сведения. Ясно, что мнение это составилось у Маркса только на основании сообщений кого-нибудь из русских, нас знавших и находившихся в то время (в 1880 г.) в Лондоне. Кто же был этим информатором Маркса? Никто иной, как Лев Гартман, высланный летом того же года, после освобождения его из-под ареста из Парижа в Лондон. Он находился тогда с нами—со мной и с Плехановым—казалось, в хороших товарищеских отношениях, доказательством чему может отчасти служить то, что вместе с нами он

затевал тогда издание на английском языке нескольких брошюр для ознакомления англичан с характером нашего правительственного режима и с ходом революционного движения в России, о чем подробно сообщает Плеханов Лаврову в письме от 6 июня 1880 г.

Нам поэтому не могло прийти на мысль, что в то же самое время он так несправедливо характеризовал нас Марксу и Энгельсу, с которыми, как известно, он сразу стал в приятельские отношения.

«Я был просто поражен,—сообщает Э. Бернштейн,—видя, как этот великий мыслитель, а также и Энгельс обращаются совсем по-братски, на «ты», с молодым человеком, который произвел на меня впечатление посредственности и бесцветности, смятенное известною любезностью натуры».

Этот отзыв Э. Бернштейна вполне верен: Гартман, действительно, никакими умственными дарованиями не отличался, он, как говорится, звезд с неба не хватал, но на то, чтобы наклеветать на нас, у него, оказывается, вполне хватило ума, и великие наши учителя поверили этой «посредственности и бесцветности».

Объясняется эта доверчивость Маркса почти полным его незнанием ни действовавших тогда в России и в эмиграции русских революционеров, ни происходившего тогда на нашей родине террористического движения. Издалека, при информации такого светлого ума, каким обладал Гартман, народофильское движение представлялось Марксу и Энгельсу неизмеримо более грандиозным, чем каким оно было в действительности. Это видно из их «Предисловия» к русскому изданию «Манифеста»: там, как известно, они называли русское террористическое движение «авангардом» «западно-европейского» и допускали возможность, что «русская революция послужит сигналом к западно-европейской, так что обе они сольются и дополнят друг друга» (цитирую на память).

Мы уже знаем, что это их ожидание совершенно не оправдалось: казавшееся столь грандиозным народофильское движение закончилось в сущности уже тотчас после убийства Александра II, и те же самые лица, о которых, как мы видели, столь пренебрежительно отозвался Маркс, еще задолго до гибели террористического движения предсказывали этот именно финал его. Они же положили начало первой марксистской группе, из которой спустя пятнадцать лет развилась Р. С.-Д. Р. П.

* * *

В том же письме, в котором Вера Ивановна просила Энгельса о предоставлении для перевода рукописи второго тома, она сообщила ему о предпринятом нашей группой издании его брошюры «Развитие социализма от утопии к науке». Это известие, видимо, очень обрадовало Энгельса. Обрадовало его также и

то, что в приложении к этой брошюре Вера Ивановна поместила известные главы о насилии из его книги против Дюринга: он нашел это приложение столь удачным, что и сам впоследствии составил для немцев из него особую статью в применении к роли насилия в образовании Германской Империи, вышедшую недавно и по-русски ¹⁾.

В течение первых десяти лет существования группы «Освобождение Труда» сношения его членов с Энгельсом ограничивались обменом лишь изредка письмами с ним Веры Ивановны. Только с начала 90-х г.г., после Интернационального конгресса в Цюрихе, на который внезапно приехал и Энгельс, Засулич впервые познакомилась с ним; Плеханов и Аксельрод после Парижского конгресса специально отправились в Лондон, чтобы познакомиться с Энгельсом, а Вера Ивановна в 1894 г. надолго поселилась в Лондоне, где очень с ним сблизилась, так же, как Г. В., тоже одно время живший там. Подробности этого будут видны из писем Веры Ивановны.

* * *

Переписка, как и устная беседа, между Энгельсом и В. И., а также и с Плехановым, велась на французском языке. Переводчица писем Энгельса старалась держаться близко к подлиннику. Энгельс, знавший, как известно, в числе многих языков, также и русский, любил употреблять (в разговоре и в письмах) русские слова; на них я указываю в скобках.

Едва ли приведенным ниже шестью письмами и записками исчерпывается вся переписка Энгельса с В. Засулич; но пока я располагаю только этими.

Пользуюсь случаем сообщить, что в архиве Г. В. Плеханова,—в чем я имел возможность лично убедиться,—находится приблизительно такое же количество к нему писем Энгельса, относящихся к 90-м г.г. и представляющих большой интерес. Надеюсь опубликовать их в след. Сборнике.

Л. Дейч.

¹⁾ См. «Сила и экономия в образовании Герман, империи», изд. «Красная Новь», М. 1923 г.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО.

[122, Regents Park Road N. W.
London, 13/XI 1883.

Дорогая гражданка!

Я совсем не в состоянии ответить на вопросы, с которыми Вам угодно было ко мне обратиться. Издание второго тома «Капитала» в оригинальном тексте еще очень запаздывает; до сих пор я должен был заниматься главным образом третьим изданием первого тома.

Я не имел до сих пор сообщения из Петербурга относительно издания русского перевода II тома. Поэтому я не думаю, чтобы в настоящее время предполагалось подобное издание в русской столице; сначала, без сомнения, захотят увидеть немецкий текст.

С другой стороны, политическое положение в России так напряженно, что кризис может произойти со дня на день. По-моему, возможно даже, что в России печать будет свободна раньше, чем в Германии. И в таком случае переводчик первого тома, Г. Л. ¹⁾, мог бы претендовать на некоторое право переводить второй.

Поэтому я думаю, что было бы немного преждевременно теперь принимать окончательное решение. Я с искренней благодарностью принимаю к сведению ваше доброе предложение; может быть, через несколько месяцев нам будет виднее, и мы сможем снова поговорить об этом.

Вы мне доставляете большое удовольствие сообщением, что это вы взяли за перевод моего «Entwicklung и т. д.»; жду вашего труда с нетерпением и очень ценю честь, которую вы мне делаете.

Примите, дорогая и героическая гражданка, уверение в моих преданнейших чувствах.

Ф. Энгельс.

¹⁾ Герман Лопатин, Л. Д.

ВТОРОЕ ПИСЬМО.

122, Regents Park Road N. W.
London, 6/III 1884.

Дорогая гражданка!

3 Появление русского перевода «Нищеты философии» ¹⁾ будет прекрасным днем как для меня, так и для дочерей Маркса. Само собою разумеется, что я с удовольствием предоставлю в ваше распоряжение весь материал, который вам в этом будет полезен. Вот что я предполагаю сделать.

Кроме немецкого перевода, в этот момент в Париже печатается новое французское издание. Для этих двух изданий я делаю несколько объяснительных примечаний, текст которых я вам пошлю.

Для предисловия существует статья Маркса в Берлинском «Социал-Демократе» (1865 г.), которая удовлетворяет почти во всем. Она будет напечатана как введение к своим новым изданиям—французскому и немецкому. Имеется только один ее экземпляр, принадлежащий архиву нашей партии в Цюрихе; если не найдется другого экземпляра в бумагах М(аркса) или моих (я это буду знать через несколько недель), вы легко можете получить с нее копию через Бернштейна.

Для немецкого издания мне нужно будет сделать специальное предисловие, чтобы опровергнуть нелепое утверждение реакционных социалистов, будто Маркс в «*Капитале*» плагирировал Родбертуса, и чтобы доказать, что, наоборот, М[аркс] уже произвел критику Родбертуса в «Нищете», прежде чем Родбертус написал свои «*Социальные письма*». Это, мне кажется, не имеет интереса для русской публики, куда наши псевдо-социалисты еще не проникли. Но вы сами рассудите; это в вашем распоряжении, если вам это покажется подходящим.

То, что вы мне сообщаете о растущем изучении книг по теории социализма, мне доставило большое удовольствие. Теоретический и критический дух, который почти исчез из наших немецких школ, кажется, действительно укрылся в России. Вы просите меня указать вам книги для перевода. Но вы уже перевели

¹⁾ Это сочинение Маркса, как известно, также перевела В. И. Засулич: оно вышло в издании «Библ. Совр. Социал.», предпринятой гр. «Осв. Тр.». Л. Д.

или обещали перевести почти все сочинения Маркса; вы сняли сливки с моих; остальные наши немецкие книги или слабы в теории, или заняты вопросами более или менее ограниченными Германией. В последнее время французы производили довольно хорошие вещи, но это еще в зачатке. Резюме «Капитала», сделанное Девилем (Deville), хорошо в теоретической части, но специальная часть сделана слишком поспешно и почти непонятна для того, кто не знает оригинала; кроме того, это слишком обширно для резюме. Тем не менее, я думаю, что, переделавши это, можно из него сделать хорошую вещь; а резюме «Капитала» всегда будет полезно в стране, где можно только с трудом добыть самую книгу.

Говоря о положении в России, я думал, конечно, вместе с другими вещами и специально о финансах, но не исключительно. Для такого загнанного правительства, как петербургское, и для пленного царя, как гатчинский отшельник, положение не может длиться, не становясь все более и более затянутым. Дворяне и крестьяне одинаково разорены, армия задета в своем шовинизме и скандализована ежедневным зрелищем государя, который прячется; необходима внешняя война, чтобы дать выход «дурным страстям» и общему недовольству; в то же время невозможность ее предпринять, за недостатком денег и благоприятной политической конъюнктуры, и мощная национальная интеллигенция, которая горела желанием разбить сковывающие ее цепи,—и ко всему этому полнейший недостаток денег и нож «деятелей»¹⁾ у горла правительства. При всем этом я полагаю, что каждый месяц должен все усиливать невозможность положения, и если бы нашелся конституционный великий князь, смелый при этом, само русское «Общество» должно бы увидеть в дворцовой революции выход из этого тупика. Теперь, спасут ли Бисмарк и Блейхрдер своих новых друзей? Я в этом сомневаюсь, я скорее спрашиваю себя: кто из двух договаривающихся будет обкраден другим?

К этому прилагаю рукопись (копию) Маркса, которую вы можете употребить, как найдете нужным. Я не знаю, были ли это «Отеч. Записки», где он нашел статью: «К. М. перед трибуналом М. Жуковского». Он написал ответ, который имеет характер статьи, предназначенной для напечатания в России; но он

¹⁾ По-русски. Л. Д.

никогда не посылал ее в Петербург, полагая, что одним своим именем скомпрометирует существование журнала, который напечатал бы его ответ.

Ваш совершенно преданный

Ф. Энгельс.

Ваш перевод моей брошюры мне кажется превосходным, — какой прекрасный язык — русский! Все преимущества немецкого без его ужасной грубости.

Ф. Э.

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО.

Лондон, 31 марта 1886 г

Дорогая гражданка!

4 Я вам очень благодарен за посылку «*Misère de la Philos*», которую я получил.

Открывая пакет, я разорвал находившийся там адрес отправителя. После долгих усилий, мне удалось соединить куски достаточно хорошо, чтобы разобрать адрес, которым я сегодня и пользуюсь. Но, не зная, правильно ли я прочел его, прошу дать мне снова адрес, потому что я хочу послать вам экземпляр русского перевода второго тома «Капитала», полученного из Ст.-Птбг.

Извините за беспокойство, которое вам причиняет моя неловкость, и примите уверение в моей преданности.

Ф. Энгельс.

4-е ПОСЛАНИЕ 1).

(Перевод с английского.)

5 Мой дорогой Степняк!

Не имея женевского адреса, должен послать вам мою статью. Пожалуйста, получите обратно для меня немецкий оригинал как можно скорее, так чтобы я мог затем написать вторую статью.

Как часто будет выходить ваш журнал? 2)

Счастливого нового года вам, г-же С[тепн.] и всем друзьям.

Всегда ваш *Ф. Энгельс.*

1) Записка без даты, повидимому, накануне 1890 г. Хотя обращение к Степняку, но предназначалось для группы «Осв. Труда», куда Энгельс через Кравчинского переслал свою статью о русской дипломатии для издаваемого Плехановым и его товарищами «Социал-Демократа». Л. Д.

2) Энгельс, очевидно, не знал, что Степняк не входил в число членов редакции «Социал-Демократа». Л. Д.

ПЯТОЕ ПИСЬМО.

Лондон 3 апреля 1890 г.

(Перевод с французского.)

Любезнейшая гражданка!

Тотчас по получении вашего письма, я передал Степняку остаток статьи [корректуру] и, так как часть ее была немного испорчена, я прибавил соответствующую рук[опись], которая послужит вам для контроля. Надеюсь, что в настоящую минуту вы уже ее получили ¹⁾.

Степняк мне также передал экземпляр журнала, за который вас благодарю; я жду большого удовольствия от чтения вашей статьи и статей Плеханова.

Вы совершенно правы: в подобных изданиях необходимо, чтобы каждый номер заключал только законченные статьи, независимо от всяких продолжений в следующем номере. Поэтому я так и поступил бы, если бы я не был стеснен временем.

Я вполне согласен с вами относительно необходимости бороться повсюду с народничеством [в тексте посл. слово—порусски, —Л. Д.]—немецким, французским, английским или русским. Тем не менее, по моему мнению, было бы более подходяще, чтобы то, что мне пришлось сказать, было сказано русским. К тому же я признаю, например, что раздел Польши выглядит совершенно иначе с русской точки зрения, чем с польской, которая стала общей на Западе. Но, в конце концов, я должен также считаться с поляками. Если поляки требуют территорий, которые и русские обыкновенно рассматривают как приобретенные ими навсегда, то не мне это решать. Все, что я могу сказать, это—что, по моему, решить свою участь надлежит самому населению, которого вопрос касается, подобно тому, как сами эльзасцы должны выбрать между Германией и Францией. К несчастью, говоря о русской дипломатии и ее воздействии на Европу, мне невозможно было не коснуться вещей, которые современное поколение в России рассматривает, как свои «внутренние дела» [в подлиннике по-русски]; и неудобство, по крайней мере внеш-

¹⁾ Очевидно, здесь речь идет об известной статье Энгельса по поводу ловкости русской дипломатии, которая была помещена в издававшемся Плехановым с товарищ. «Социал-Демократе». Л. Д.

нее, заключается в том, что об этом говорит иностранец, а не русский. Но это было неизбежно.

Если вы находите полезным сделать от моего имени маленькое примечание в этом смысле, то я прошу вас сделать его в таком месте, где найдете наиболее подходящим.

Я надеюсь, что напечатание моей статьи по-английски произведет известное впечатление. В настоящий момент вера либералов в освободительное рвение царя сильно поколеблена известиями из Сибири, книгой Кенана и последним университетским движением в России. По этой причине я и торопился с печатанием, чтобы ковать железо, пока оно горячо. Петербургская дипломатия рассчитывала, для своей ближайшей кампании на востоке, на восхождение царофила Гладстона, поклонника «божественной фигуры севера» («divin figure of the North»), как он называл Алек. III. Были пущены в ход критички и армяне, могла последовать диверсия на Македонию, и, при раболепстве перед царем Франции, а также благорасположении Англии, можно было бы рискнуть сделать новый шаг вперед,—захватить Царьград, не опасаясь, чтобы Германия рискнула на войну при таких неблагоприятных условиях. А раз Царьград был бы завоеван, можно было бы надеяться на долгий период шовинистического опьянения, как мы это имели в Германии с 1866 г. до 1870 г. Поэтому мне представляется чрезвычайно важным для нашего дела момент анти-царистского настроения, которое возобновляется среди английских либералов; очень благоприятно, что Ст[епняк] находится здесь и может его подогревать.

С тех пор, как имеется революционное движение в самой России, ничто больше не удастся ее дипломатии, которая раньше была непобедимой. И это очень хорошо, потому что эта дипломатия—самый опасный враг как ваш, так и наш. До сих пор это—единственная непоколебимая сила в России, где даже армия ускользает от царей, доказательство—многочисленные аресты офицеров, что свидетельствует о том, что русские офицеры и по общей своей интеллигентности и характерами стоят неизмеримо выше прусских. Итак, лишь только вы, или просто конституционалисты, будете иметь сторонников и верных агентов в рядах дипломатии,—ваше дело будет выиграно.

Дружеский привет Плеханову.

Ваш преданный Ф. Энгельс.

ШЕСТОЕ ПИСЬМО ¹⁾.

(Перевод с французского.)

Дорогая гражданка Вера!

Я, конечно, буду дома завтра между 3 и 5, или в пятницу от 3-х до 4-х после обеда, когда я буду очень рад вас видеть.

Книга Ж. ²⁾ явилась очень кстати; сегодня газеты извещают, что Николай заявил земствам, что он так же твердо поддерживает «самодержавие» (в тексте по-русски — Л. Д.), как и его отец. Против глупости царственных правителей нет лекарства. Тем лучше, если Ж. произвел «фурор» (в тексте по-русски — Л. Д.).

Всегда ваш Ф. Э.

¹⁾ (Копия городской открытки без числа, — почт. штемпель. — 30. I. 95 г. Вера Ивановна жила тогда в Лондоне под фамилией Бельдешская. Л. Д.)

²⁾ Энгельс, вероятно, имеет здесь в виду Жоржа Плеханова и его книгу «К вопросу о развитии монетического взгляда на историю», появившуюся в 1895 г. под псевд. Бельтова. Л. Д.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
От Комитета и Редакции	5—7
Признательность	8
✓ Л. Г. Дейч.—Первые шаги группы «Освобождение Труда»	9
Г. В. Плеханов.—А. Н. Радищев (посмертная рукопись)	50
В. В. Позднякова Плеханова.—Детство и отрочество Г. В. Плеханова	83
✓ Р. М. Плеханова.—Наша первая встреча с Ж. Гедом	95
Е. Н. Иенатова.—Братья В. Н. и И. Н. Игнатовы (воспоминания сестры).	101
✓ О. К. Буланова.—«Черный Передел»	112
И. Гецов.—Типография «Черного Передела»	123
✓ Фр. Энгельс.—Письма к В. И. Засулич	133
Г. В. Плеханов.—Письма к С. Кравчинскому	145
✓ Л. Г. Дейч.—Письма к П. Б. Аксельроду	148
В. И. Засулич.—Письма к С. Кравчинскому	200
✓ С. Кравчинский.—Письма к В. И. Засулич	215
✓ Л. Тихомиров.—Письма к П. Л. Лаврову	245
✓ Ю. Сергеев.—Ушедшие (И. Аксельрод, Б. Гинсбург, А. Любимов, д-р Н. Васильев, А. Зон и Б. Цетлин)	256
Л. Г. Дейч.—Три свежие могилы (А. Успенская, А. Зунделевич и П. Моисеенко)	270
Л. Д.—Смерть Ленина	276
✓ Е. Н. Ковальская.—Печальное недоразумение	278
✓ С. Я. Вольфсон.—Вокруг Плеханова (литературное обозрение произведе- ний о Г. В. Плеханове в 1923 г.)	282
Алфавитный указатель имен	305

ФОТОГРАФИИ: группа «Осв. Тр.», портреты В. Н. и Е. Н. Игнатовых и факсимиле писем Фр. Энгельса.